

УДК 001.5+001.8+167+316::316.4+316.722/316.77

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНО-СОЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье систематизированы методологические аспекты дискурсивно-социальной аналитики в исследованиях глобализации. Различие стратегий радикального реализма и радикального номинализма раскрыто на основании трех признаков: структура значения, тип целостной структуры, объект прогноза. Двойственность, обратимость и альтернативность эксплицированы как свойства дискурсивных (текстовых) и социальных (жизненных) реальностей. Понятийные лакуны в дискурсивной и социальной реальности глобализации разделены на мотивированные и немотивированные отсутствия значения и смысла.

Ключевые слова: радикальный реализм, радикальный номинализм, психологизм значения, гомогенные целостности, гетерогенные целостности, прогнозируемость, свойства реальности, концептуальные лакуны.

В современном глобальном мире – мире действий, практик, решений и пр. – отошли на задний план вопросы мышления, рассуждения, аргументации, принятия решений – то, что в целом составляет дискурсивно-социальную аналитику и предполагает когнитивный выбор антипсихологических или психологических ориентиров в разработке их стратегий. В частности, тематическое определение стратегий лежит в плоскости ответов на ключевые вопросы: Можно ли закономерности глобализации редуцировать к антропологии и психологическим законам? Являются ли надындивидуальные формы глобального мира реальными? Законы глобализации естественны или конвенциональны? Критерии анализа и прогноза процессов глобализации объективны или субъективны?

Аналитические подходы к процессам глобализации представляют собой многочисленные эпистемологические движения от сущностей к вещам и именам и от вещей и имен к сущностям, порождающие сети высказываний (идей), или дискурсы, в которых переплетаются метафизический реализм и номиналистический психологизм. Некритическое или неконструктивное смешение метафизического реализма с номиналистическим психологизмом приводит к когнитивным искажениям, обусловленным неточным употреблением имен или неправильными выводами. Для их преодоления

необходимо провести демаркацию между реалистической и номиналистической парадигмами на основании ортогональных логических факторов: общее / индивидуальное (единичное), собирательное (агрегатное) / разделительное. Образуемые ими при пересечении квадранты репрезентируют четыре типа объектов социальной реальности, и, в соответствии с которыми следует различать четыре типа предметных и признаковых наименований. В частности, аналитический подход к глобализации в пределах каждого из квадрантов опирается на реалистические или номиналистические представления, обуславливающие выбор и систематизацию ее содержательных аспектов.

Множество имен, обозначающих одни и те же сущности, имплицитно включают вопросы существования (онтологический аспект) и значения (феноменологический аспект). Типология онтологических аспектов именования включает три разновидности сущностей – эмпирические, intersubjective и абстрактные, в зависимости от типа онтологии естественного языка. Сущности эмпирической онтологии естественного языка – корреляты сознания в повседневности – создаются в непосредственном опыте жизненного мира человека. Сущности intersubjective онтологии, выступающие как корреляты сознания в коммуникации, обусловлены культурно-историческим опытом коммуникации. Сущности абстрактной онтологии принимаются в качестве онтологических допущений (свойств моделируемой реальности) посредством сопоставления их структур и правил со структурами и правилами естественного языка. В результате одни и те же сущности имеют множество толкований в диапазоне чувственно-психического и умопостигаемого толкования. Вопросы толкования являются по своей сути феноменологическими, предполагающими когнитивную реконструкцию смысла (дискурсивное) и референцию как возвращение языка к действительности (социальное). Ключевыми являются запросы о критериях

осмысленности выражений языка и различения объектов референции [10, с. 67–68].

Онтология объекта и его значение обуславливают необходимость разграничения реалистических и номиналистических тенденций в дискурсивно-социальной аналитике, детерминированной синкретизмом языковой (текстовой) и жизненной реальности. Следуя кантовской дефиниции аналитического суждения как выявления того, что уже скрытым образом содержится в субъекте (S есть / не есть P), определим дискурсивно-социальную аналитику как прояснение и расширение имеющегося знания в контексте различия логического реализма и логического номинализма. Их двойственность, обратимость и альтернативность составляют условия осмысления глобализации, затрудненное наличием множества идей, концепций, теорий, на которые опираются исследователи, имеющие право сконструировать свою версию глобальной реальности. Различия в точках зрения и дискурсивных практиках вытекают из идеологических, концептуальных, теоретических или иных различий. Базовым методологическим различием выступают радикальные формы реализма и номинализма в дискурсивно-социальной аналитике, дифференцируемые как агрегатно-коллективистский холизм и индивидуалистический атомизм.

Радикализм в аналитике обусловлен оппозиционностью подходов в толкованиях мира, распознаваемых в трех ракурсах. Первый ракурс оппозиции радикального реализма и радикального номинализма – различение антипсихологической и психологической структуры значения. Радикальный реализм, начиная с Платона, исключает из структуры значения наглядную образность или интуитивную очевидность, выражая тем самым антипсихологические тенденции в аналитике. Данные тенденции характеризуются отсутствием согласования с действительностью, поэтому реалистическая аргументация является системой рассуждений, в которой элементы связаны не со значениями внешнего мира (образами реальности), а

со значениями, которые им приписываются, исходя из некоторых допущений внутри данной системы (абстрактные сущности). Цель реалистической аргументации заключается в обосновании формально-гипотетических истин, раскрывающих сущность объекта, или его неизменные начала. Условия обоснования включают требование непротиворечивости выводов с постулатами и дефинициями системы, в которой они сделаны.

В результате радикальные реалистические аргументы оказываются обезличенными и оторванными от своих антрополого-психологических оснований. Оправданием радикальной реалистической аргументации в дискурсивно-социальной аналитике является поиск условий беспристрастности и отсутствия ангажированности, предполагающий переход от гетерогенного мира к миру гомогенному (однородному). Гомогенное состояние мира достигается методом категоризации, или наложением категориальной сетки, разработанной в какой-либо теории или концепции, на исследуемую область.

Радикальный номинализм, напротив, включает элементы наглядного представления в качестве обязательного элемента структуры значения, образуя в аналитике психологические тенденции. Для них характерно наличие связей с действительностью, или корреляций со значениями внешнего мира, т. е. с чувственным опытом. Данные связи – это множество экономических, политических, религиозных или иных ассоциаций, воспоминаний, прецедентов и других элементов (эмпирических или интерсубъективных сущностей), от которых зависят смысл и референция. На первый план выступают специфические свойства индивида, который, допустим, в чем-то заблуждается, чего-то не знает или во что-то верит [11, с. 21]. Цель номиналистической аргументации заключается в обосновании уникальности значения как неизменного начала, имеющего пространственно-временные границы, т. е. зависящего от культурного поля и привязанного к прошлому, настоящему или будущему. Если в контексте реализма общество

раскрывается в общем / собирательном смысле, то в контексте номинализма – в общем / разделительном и единичном / разделительном смысле. Это значит, что термины, описывающие коллективно-агрегатные свойства системы, не применимы к описанию повседневности или общества потребления, которые являются индивидуализированными.

Концептуально-терминологический словарь для осмысления индивидуализированной повседневности и общества потребления разработан в феноменологических и постмодернистских теориях. Утверждая приоритеты индивидуального бытия, они поставили под знак вопроса существование бытия социального. Феноменология анализирует повседневность, выводя ее сущность из способности индивида автономно конструировать социальную реальность и ее смысл (означающее) [26]. Постмодернистские теории раскрывают сущность индивидуального бытия в контексте образа жизни – коррелята ключевого потребительского отношения к миру [7; 8].

Психологизм радикального номинализма выражается в стремлении понять и описать многообразие жизненного мира, избегая его редукции в абстрактной категориальной однородности. В результате радикальные номиналистические аргументы оказываются пристрастными и привязанными к своему антропологическому происхождению [12, с. 295–300] и кросскультурной сущности [14, с. 102–104]. Оправданием психологизма радикальной номиналистической аргументации в дискурсивно-социальной аналитике выступает необходимость избегания даже малейшего умаления личности как, например, в дискурсивной практике рекламы или социальной практике иммиграции

Ограниченность номинализма была обоснована в исследованиях психологической школы в Вюрцбурге, показавших, что понимание не только не нуждается в конкретно-образных началах, но иногда и мешает пониманию. Данное обобщение было поддержано Э. Гуссерлем, доказавшим, что значение имеет место и при отсутствии наглядной образности [18]. Цель

разработанной им методологии заключалась в преодолении психологизма в логике, который базировался на идее о вхождении элементов чувственного познания в структуру формальных элементов мысли – понятий, суждений и умозаключений. Согласно антипсихологическим тенденциям логическими элементами в аналитике выступают имена, высказывания и выводы [12, с. 22–28].

Второй ракурс оппозиции радикального реализма и номинализма заключается в их отношении к целостным структурам и к проблеме онтологических оснований. Радикальный реализм ориентирован на исследование способов существования социальной целостности и диахронических механизмов ее воспроизведения. Логическим выражением социальной целостности выступают общие собирательные имена, «обозначающие совокупность или систему объектов, которая существует как единое целое» [12, с. 108]. Их онтологическое содержание раскрывается посредством конкретизации тех допущений, в рамках которых возможно признание существования обозначаемой ими целостности. В частности, комплексный характер глобализации раскрывается посредством четырех типов целостностей: глобальной технической сферы, глобальной экономики, глобального геополитического пространства и глобального социально-культурного пространства [27].

Сохранность социальной целостности в радикальном реализме верифицируется посредством концептуализации рисков. Если техногенные риски обосновываются в категориях индустриального общества, то риски, связанные с деятельностью, – в категориях общества постиндустриального и глобализации в целом. В концепциях глобализации риска репрезентирована среда риска, отчужденная от индивида и существующая над ним и его деятельностью [5; 16]. Риск как угроза касается не индивидов и небольших сообществ, а человечества в целом [16, с. 109–111].

Абстракции, не имеющие онтологической конкретизации, являются лишь метафорами. Например, имена «мировое правительство», «экономический империализм», «государственное мышление» или «национальный эгоизм» в реальности ничего не обозначают, и из них ничего не следует. Данное искажение преодолевается посредством снятия неоднородности их содержания. Категориальная однородность позволяет выявить целостность и интерпретировать ее как структуру какого-либо события или процесса. Но следует принимать во внимание, что абсолютизация онтологии целостных структур в радикальном реализме опасна недооценкой субъективных факторов.

Радикальный номинализм исключает существование социальной целостности, интерпретируя общество как совокупность индивидов. Абстрактные общие имена не признаются вследствие отсутствия в них эмпирического смысла, т. е. недооценки субъективных факторов. В частности, в постмодернистских толкованиях индивидуализированное общество раскрывается в разделительном смысле. Допустим, индивид испытывает радость обретения гражданских, экономических, политических и иных свобод безотносительно к абстрактным надындивидуальным категориальным структурам.

Исключение объективных факторов целостности в радикальном номинализме опасно абсолютизацией единичного, уникального. Например, абсолютизация гражданских свобод и идея их распространения в глобальном масштабе опасна без их, по меньшей мере, двух соотнесений – с культурными травмами и искажениями коллективной идентичности [2, с. 121–124; 3, с. 11–14] и с глобальными рисками [25, с. 101–103]. В противном случае радикальный номинализм указывает на чьи-то интересы, проводимые с идеологическим прикрытием или без него. Согласно З. Бауману, Запад исключает «спасение посредством общества». Например, заявление М. Тэтчер «Нет такой вещи, как общество» призывает индивида «смотреть

внутри себя, где находятся его собственные хитрость, воля и власть» [5, с. 37].

Третий ракурс оппозиции радикального реализма и номинализма – отношение к социальным объектам и предсказуемости их становления. Радикальный реализм опирается на прогнозируемость и управляемость складывающихся тенденций в социальном развитии – надиндивидуальных, наднациональных и надгосударственных. Данным формам социального бытия приписывается статус реально существующих объектов. Например, *ВТО, Всемирный банк, всемирный рынок* являются реалистическими категориями, выражающими мегатренды в развитии цивилизации не монетаристского типа с особым набором ценностей и социально-культурных приоритетов. Д. Нейсбит подчеркнул значимость выявления тенденций в процессах глобализации следующим образом: «Мы превратились в общество, управляемое событиями, просто идущее от инцидента к инциденту (даже от кризиса к кризису). Это общество практически не замечает процессов, лежащих в основе такого движения (или не желает над ними задумываться). Но лишь поняв основные процессы, эти направления перестройки, мы сможем понять смысл и причины отдельных событий» [19, с. 9].

Радикальный реализм для выявления тенденций преодолевает разнородность мира посредством поиска и группировки однородных явлений (категориальных переменных). Каждое из них соответствует какому-то одному аспекту внешнего социального критерия (непрерывной переменной). Отсутствие высокой внутренней согласованности элементов способствует повышению однородности, или «очищению» сущности, путем восхождения от конкретного к абстрактному. Однородность по содержанию обеспечивает теоретическую состоятельность реалистических моделей и делает возможным их смысловые интерпретации. Междисциплинарный подход к построению данных моделей поддерживает, например, В.М. Полтерович:

«Разнородные явления, не вполне правомочно объединяемые термином „экономический империализм“, демонстрируют целесообразность интеграции ряда общественных дисциплин в единую науку об обществе – общий социальный анализ» [21, с. 105].

Определяемые или измеряемые свойства (единственное свойство или их комбинация) присутствуют в критериях или оцениваемых конструктах. Категориальные и непрерывные переменные являются мерами, к которым могут быть разработаны и применимы индексы различий (экономических, политических, демографических и др.). В частности, по степени активности участия в процессах глобализации государства делятся на двигатели процессов (США, Канада, страны ЕС) и государства, проявляющие умеренную активность, или пассивные [22, с. 58]. Чем ближе к краям распределения находятся группы однородных явлений – например, тенденции в развитии государств-двигателей и государств-аутсайдеров – тем более контрастно выражено различие между ними. Сохраняющиеся контрасты являются причинами углубляющегося экономического, политического, культурного, демографического неравенства [22, с. 59]. Для нахождения путей их преодоления осуществляется категоризация промежуточных групп, к которым применяются индексы различия для определения их места в системе глобальных процессов.

И. Валлерстайн, размышляя над методологическими изъянами социального знания и его концепциями, подчеркнул, что иногда крайне сложно «классифицировать данные таким образом, чтобы на их основе можно было сделать четкие и проверяемые выводы». Таким способом поддерживается «возможность использования расплывчатых и не опровергаемых аргументов» [9, с. 262]. В частности, он считает ошибочными категориальные разделения XIX века: «прошлое / настоящее», «цивилизованное / иное», «государство / рынок / гражданское общество». Недостатки дихотомии «прошлое / настоящее» он связывает с тем, что

социология, экономика и политология невозможны вне истории (прошлых состояний анализируемого объекта) и эмпирических обобщений (анализ и оценка нынешних состояний объекта). Дихотомия «цивилизованное / иное» исключается вследствие «расистского упрощения». Категориальное разделение «государство / рынок / гражданское общество» несостоятельно по причине взаимовлияния и наличия сходств, или сопряженности (пересекаемости). «Рынок создается и контролируется государством и гражданским обществом, государство есть отражение рынка и гражданского общества, гражданское общество определяется как государством, так и рынком» [9, с. 326–327].

Радикальный номинализм, исходя из неуправляемости надындивидуально складывающихся тенденций, акцентирует внимание на рационально действующих субъектах. Для этого изолируются антропологические факторы, необходимые для понимания внесоциальной сущности человека. Такая сущность раскрывается в контексте первенства индивида в различных типах целостностей. Как субъект коммуникации, агент действия, генератор идей, творец и потребитель социальных сетей – человек предстает как мыслящая и действующая личность. Она детерминирует социальные процессы, а не неведомые абстрактные силы довлеют над ней [14]. Отсюда вытекает необходимость «атомистического» изучения культурных черт вне социального контекста.

Внесоциальный подход к глобализации обусловлен в первую очередь тремя аспектами: становлением глобального информационного пространства, постиндустриальным развитием экономики знаний и формированием человеческого капитала [13, с. 328–329]. В частности, К. Андерсон отметил, что глобализация характеризуется информационной сверхпроводимостью и всеобщим переселением народов в социальные сети [4, с. 23]. В результате практически сложились новые формы глобально-семейной социализации, изменяющие способ существования человека в мире. В глобальной семье

выслушают, посоветуют, ответят, проконсультируют, подскажут, скоординируют, спровоцируют или произведут иное действие. В этих отношениях можно выполнять разные роли, примерять различные статусы, иногда оставаясь при этом анонимным и безответственным в условиях избытка культурных образцов. Знакомства с ними в процессе глобального кросскультурного взаимодействия способствует актуализации собственных культурных моделей, включая этические системы, которым привержены акторы [17].

Радикальный номинализм базируется на концепции знаний и интеллектуального потенциала как основного источника экономического, политического и культурного развития государств [1, с. 3–4]. Знания как свойство человеческого капитала являются, во-первых, основой создания добавленной стоимости, во-вторых, базой создания новых продуктов и услуг (расширение имеющихся и формирование новых рынков), в-третьих, стимулом повышения производительности труда и экономии затрат, в-четвертых, основой компетентности сотрудников, в-пятых, источником появления новых идей, исследований и разработок.

Радикальный реализм и радикальный номинализм в дискурсивно-социальной аналитике преодолевается в контексте их двойственности, обратимости и альтернативности. Двойственность означает взаимодействие (а не сосуществование) явных или латентных частей или элементов, свойств или отношений, являющихся несовместимыми в пределах целостности. Двойственный контекст целостной структуры включает направления, тенденции, движения, силы и пр. Аналитические аргументы в контексте двойственности принимают форму антиномий, в которых логически доказуем каждый из несовместимых тезисов. Например, с одной стороны, сущность человека формируется в процессе социализации, с другой, – не формируется в процессе социализации. Данные тенденции составляют целостную структуру личности в определенном отношении.

Обратимость означает способность системы сохранять устойчивость и определенность (тождество) посредством уравнивающих друг друга прямых и обратных преобразований в ней. В частности, если имеет место процесс в конкретном направлении, то имеет место и обратный ему, удерживающий систему в определенном состоянии. В противном случае – необратимости – система изменяется. Например, наличие движений антиглобализма указывает если не на необратимость глобализации, то на ее сдерживающие факторы.

Альтернативность означает наличие взаимоисключающих и взаимно дополняющих друг друга, допустим, целей, задач, гипотез или концепций, обеспечивающих полноту теоретических конструкций. Аналитические аргументы в контексте альтернативности принимают форму дилемм, в которых наступление одного события не исключает наступления и другого. Например, согласно первой дилемме Э. Гидденса, человек активен в силу внутренних причин или под влиянием неких фундаментальных сил, неподконтрольных субъекту. Согласно второй его дилемме, общество характеризуется условиями консенсуса (гармонии) или конфликта [15, с. 654]. Альтернативы, представленные в дилеммах Э. Гидденса, составляют также условия целостности (двойственности антиномий) и равновесия (обратимости одного в другое).

Доминирующим в социально-дискурсивной аналитике должно быть, как правило, одно свойство – двойственность, обратимость или альтернативность. Подобное доминирование лежит в основе критического и конструктивного аргументирования [10]. В частности, в двойственном контексте реального / символического мира, означаемого / означающего знака Ж. Бодрийяр описывает процессы, происходящие в глобальном мире. Для этого он интерпретирует номиналистический феномен имплозии как исчезновение смысла из потребительской жизни людей в реалистическом контексте. Имплозия означает нахождение человека «во вселенной, в

которой становится все больше информации и все меньше и меньше смысла» [8, с. 14]. Это происходит вследствие того, что развитие мировой цивилизации идет в направлении утверждения мира симуляций, так как истинной реальностью становится знаково-символическая реальность, оторвавшаяся от настоящего реального мира. Глобализация распространяет симуляции, когда индивид вынужден делать вид, что у него есть то, чего он не имеет, и диссимуляции, когда он делает вид, что не имеет того, что у него есть. В результате происходит исчезновение «мира как реального залога знака», что привело к исчезновению означаемого (объекта, к которому отсылает знак), т. е. «больше нет конвертируемости знака в его референциальную стоимость» [7, с. 227].

Решение проблемы обратимости в области права обусловлено наличием бессубъектной и безадресной нормы. Подобный радикальный реализм преодолевается (уравновешивается) путем квантификации или дифференциации. Квантификация имеет место в тех случаях, когда множество адресатов нормы однородно и задано однозначно, но не обязательно является счетным. Дифференциация применяется для учета разнородности множества, т. е. онтологического различения категорий субъектов. Она необходима для последующей модификации способов применения нормы, без чего становится возможным «смещение беспристрастности с безличностью» [24, с. 55].

Согласно концепции Э. Гидденса, двойственными и обратимыми являются факторы самоопределения индивида в глобальной кросскультурной коммуникации, влияющие на индивидуальный выбор. Это значит, что целостность личности детерминирована обратимостью направлений в ее развитии. С одной стороны, личность стремится к максимизации моральной самооценки, описываемой в этических категориях, с другой, – стремится к максимизации выгод, описываемых в рыночных категориях [17].

Очевидными при таком аналитическом подходе становятся нарушения в целостности личности.

Альтернативность в дискурсивно-социальной аналитике можно иллюстрировать необходимостью выбора доминанты объясняющей или понимающей стратегии в аргументировании. Объяснение индивидуального опыта требует реалистической методологии категоризации, его понимание – осмысления личностного языка и индивидуальной истории. Очевидными являются преимущества их совмещения в рамках целостной структуры и демонстрация равновесия, предотвращающая появление радикальных аргументов. В соответствии с данными аналитическими критериями можно утверждать, что, например, сложившаяся в исследовании процессов глобализации картина общественного риска не является целостной.

В аргументационных техниках дискурсивно-социальной аналитики следует различать и преодолевать концептуальные лакуны в именовании. Концептуальная лакуна идентифицируется и преодолевается посредством описания формирующих или сопровождающих данное явление субъектов, действий, событий и пр. Например, две группы имен – профессиональные компетенции, квалифицированный специалист, образованный человек или поздняя современность, глобальный риск, качество жизни, маргинальное пространство в глобальном мире – нуждаются в онтологических допущениях, конкретизирующих их содержание в контексте реализма.

Различение и преодоление концептуальных лакун зависит от их вида – мотивированные или немотивированные лакуны. Мотивированные лакуны обусловлены отсутствием самой реалии. Ж. Бодрийяр назвал подобные ситуации симулякрами. Например, процессы глобализации обусловлены, с одной стороны, экспортированием представлений о гражданском обществе. Закономерен вопрос: то, что именуется в Беларуси или России гражданским обществом, действительно является таковым? С другой стороны, западные коммуникативные ценности компромисса, консенсуса и рациональности

являются необходимыми условиями демократического общества. Можно ли в таком случае рассуждать о демократии как свершившемся факте, но без наступления указанных условий. Поэтому следует различать реалистическую аналитику, раскрывающую сущность гражданского общества и демократии, и номиналистическую – аналитику мнений о них.

Отсутствие реалий в ситуациях эксплуатации имен, оторванных от обозначаемых ими вещей, инспирирует производство самих реалий (действий, предметов и пр.). В частности, С.В. Соловьева связывает феномен «гастрономического мультикультурализма», ставшего частью обыденного питания, «с потреблением симулякров национальных кухонь, оторвавшихся от места производства исходных продуктов и технологий» [23, с. 542]. *Кофе без кофеина, сладости без сахара, пиво без алкоголя* – эти и многие другие имена и идеи также из ряда мотивированных лакун.

Немотивированные лакуны обусловлены отсутствием в языке обозначения для существующей реальности. В частности, исследование такого аспекта глобализации как аккультурация нуждается в выявлении немотивированных лакун. Непонимание культурного иного, или восприятие его как чужого, является следствием дефицита опыта или информационных ресурсов. Например, отсутствие нужных слов в опыте ребенка сдерживает его развитие. Закономерен вопрос: имеют ли место аналогичные процессы в развитии культуры не только отдельного человека, но и социальных групп, народов и т. д. Каким образом это можно обосновать?

Адекватное обозначение существующей реальности позволяет сделать акцент на возможностях. В частности, Д. Нейсбит, оценивая изменения умонастроения по вопросу китайской глобализации, отмечает: «Вы добиваетесь результатов не тогда, когда решаете задачи, а когда используете возможности. Китай стал нацией тех, кто использует возможности, кто верит, что любая задача может быть решена по ходу дела. Конкурентное преимущество Китая, нации и народа – это его воля принять самое

необходимое и самое выгодное» [20, с. 231–232]. В результате Китай получает от глобализации больше пользы, чем другие развивающиеся страны.

В глобальной повседневности нужные значения формируются, например, в рекламе. Допустим, «значение „здорового образа жизни“ не остается постоянным. Понятия „здоровой диеты“ изменяются быстрее, чем требуется для последовательного прохождения курса рекомендованной диеты» [5, с. 87–88]. Человек покупает не только еду, но и наиболее эффективную диету, позволяющую избавиться от ее последствий. «Список покупок бесконечен», способа уклонения от покупок нет. Поэтому самой нужной компетентностью стала «компетентность опытного и неутомимого покупателя» [5, с. 82].

Согласно концепции «гастрономического мультикультурализма» С.В. Соловьевой, суждения вкуса все реже отсылают современного человека в его повседневной жизни к эстетической способности, и все чаще «к чувственному опыту в сфере гастрономии, суждениям в бинарной оппозиции *вкусно – невкусно*» [23, с. 541]. При этом культура питания остается в сфере традиции, заменяясь множественностью гастрономического опыта горожанина. При этом чувственный множественный опыт невозможно соотнести со смыслами. Гастрономические концепты «здоровая еда» или «постный стол» начинают формироваться «лишь в условиях лаконичного репертуара продуктов» [23, 541–542].

Таким образом, в исследованиях глобализации в контексте дискурсивно-социальной аналитики следует различать две стратегии – радикальный реализм и радикальный номинализм. Их дифференциация основана на трех признаках – структуре значения, типе целостной структуры, объекте прогноза и управления. Радикальный реализм в аналитике глобальных процессов характеризуется антипсихологической структурой значения, целостностью социальных структур, прогнозируемостью и

управляемостью надындивидуальных, наднациональных и надгосударственных тенденций. Радикальный номинализм в аналитике глобальных процессов – психологической структурой значения, целостностью индивидуальной (личностной) структуры, прогнозируемостью и управляемостью тенденций в индивидуальном развитии. Как следствие их оппозиционность выражается в толкованиях глобального мира и разрабатываемых концепциях. Согласно антипсихологическим тенденциям реализма, структура значения является коррелятом гомогенного глобального мира, согласно психологическим тенденциям номинализма, структура значения – коррелят гетерогенной глобальности.

Радикализм реализма и номинализма преодолевается в дискурсивно-социальной аналитике, основанной на синкретизме текстовой и жизненной реальности глобального мира. Аналитика выстраивается в соответствии с методологическими свойствами данных реальностей – двойственностью, обратимостью и альтернативностью, которые обеспечивают целостность и полноту картины исследования. Логическим выражением двойственных аргументов являются антиномии, репрезентирующие целостные структуры. Свойство обратимости указывает на равновесное постоянство системы. Альтернативные аргументы логически выражаются посредством дилемм.

В концептуальных лакунах, имеющих место в текстовой и жизненной реальности глобализации, следует различать мотивированные и немотивированные отсутствия значения и смысла. Подобное различие в дискурсивно-социальной аналитике методологически важно для распознавания в глобальных коммуникациях двух ситуаций. Маркерами первой ситуации являются наличие мотивирующего обозначения и отсутствия реалии, маркерами второй – отсутствие мотивирующего обозначения и наличие реалии.

В целом выявление глобальных гомогенных структур и преодоление гетерогенного мира методологически связаны друг с другом и составляют

условие любой аналитики. Главным ее препятствием является отсутствие критической или конструктивной дифференциации метафизического реализма и психологического номинализма. Поэтому изложенные методологические аспекты составляют необходимые условия понимания, оценки и корректировки аналитических подходов в исследовании глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Айерман Р., Хлевнюк Д. Социальная теория и травма // Социол. обозр. – 2013. – Т. 12. – № 1. – С. 121–138.
3. Александер Дж., Куракин Д.Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социол. журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.
4. Андерсон К. 20 ключевых идей 2000-х // PrimeRussianMagazin. – 2010. – № 3. – С. 22–39.
5. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция». – М.: Постум; 2017. – 320 с.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.
9. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
10. Воробьева С.В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 67–71.
11. Воробьева С.В. Культура повседневного мышления и массмедиа // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: издательство АПК и ППРО, 2017. – 268 с. – С. 21–25
12. Воробьева С.В. Логика и коммуникация: пособие. – Минск: БГУ, 2010. – 327 с.
13. Воробьева С.В., Подкопаева Е.П. Образовательные технологии в глобализирующемся мире // XIII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения (Минск, 24–26 мая 2007 г.): материалы чтений «Церковь перед вызовом глобальной цивилизации». – Минск: ООО «Ковчег», 2008. – С. 328 – 334.

14. Воробьева С.В. Социальные технологии и аргументация в глобализирующемся мире // *Философия и рациональность: Межд. науч. конф. Минск, 22–23 октября 2009 г. / редкол. А.И.Зеленков □ и др. □.* – Минск: БГУ, 2009. – С. 103–105.
15. Гидденс Э. *Социология.* Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
16. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // *THESIS.* – 1994. – № 5. – С. 107–134.
17. Гидденс Э. *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; [пер. с англ. М. Л. Коробочкина].* – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
18. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии: пер. с нем.* – М.: Академический проект, 2009. – 486 с.
19. Нейсбит Д. *Мегатренды.* Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НППЕРмак», 2003. – 380 [4] с.
20. Нейсбит Д. *Старт! или Настраиваем ум!* – М.: Издательство: АСТ, 2009. – 288 с.
21. Полтерович В.М. *Становление общего социального анализа // Обществ. науки и современность.* – 2011. – № 2. – С. 101–111.
22. Сертакова И.Н. *Противоречия глобализации в этнокультурном контексте // Аналитика культурологии.* – 2009. – № 13. – С. 59–62.
23. Соловьева С.В. *Современный «гастрономический мультикультурализм» и мир привычного // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии.* – Минск: Беларуская навука, 2017. – С. 541–542.
24. Хеффе О. *Справедливость: философское видение.* – М.: Практис, 2007. – 192 с.
25. Шелестова Д.А. *Риски валютно-финансовых операций транснациональных компаний в условиях глобализации экономики // Философия соц. коммуникаций.* – 2016. – № 1/2. – С. 101–106.
26. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин.* – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
27. Яковец Ю.В. *Глобализация и взаимодействие цивилизаций.* – М.: ЗАО «Изд-во „Экономика“», 2003. – 441 с.

S.V. Vorobjova

Belorussian State University, Minsk, Belarus

GLOBALIZATION IN THE CONTEXT OF DISCOURSE-SOCIAL ANALYTICS: METHODOLOGICAL ASPECTS

The article systematizes the methodological aspects of discourse-social analytics in the studies of globalization. The distinction between the strategies of radical realism and radical nominalism is

revealed on the basis of three characteristics: the structure of significance, the type of an integral structure, the object of forecasting. Duality, reversibility and alternativeness are explicated as properties of discursive (textual) and social (vital) realities. Conceptual gaps in the discursive and social reality of globalization are divided into motivated and unmotivated absence of meaning and meaning.

Key words: radical realism, radical nominalism, psychologism of significance, homogeneous integrity, heterogeneous integrity, predictability, properties of reality, semantic lacunae.

Поступила в редакцию 15 мая 2018